

ПЛАМЕННЫЙ ПАТРИОТ НАШЕЙ РОДИНЫ

ВЕЛИКИЙ СОВРЕМЕННИК

Тысячи прочных, неразрывных нитей связал себя великий Горький с судьбой нашей Родины, советского народа. И отечая очередную дату его рождения, мы прежде всего обращаемся к нашей современности. Именно в ней мы находим осуществление горьковских идеалов, борьбе за которые он отдал всю свою кипучую жизнь. Мы на каждом шагу ощущаем его горячее дыхание, видим его мудрые, проницательные глаза, устремленные в наше будущее, названное устами его героев «самой яркой демократией земли».

Взяты из жизни герои Горького были первыми в шеренге борцов за прекрасное будущее. Это мускулистые руки Нилов и Павлов Власовых нанесли первые удары по цитадели реакции — паризму.

Друг Ленина и Сталина, любовно оберегаемый ими, Горький был проводником принципов большевистской партийности в литературе. Своим острым сатирическим пером он гневно обличал «овинные мерзости» жизни в дореволюционной России, он камнями на камни не оставлял от буржуазной, эксплуататорской морали тогдашних «хозяев жизни» — торговцев и фабрикантов.

Уничтожающей была горьковская характеристика Самгина — этого воплощения всех отвратительных черт ренегата и предателя. Если сегодня мы смотрим на деятельность шумящих и бляющих и им подобных, мы узнаем в них старого знакомого — Самгина, вывернутого за борт корабля истории. И твердо верим: та же участь уготована и его современным подражателям.

Лучшие свои страницы посвятил Горький прославлению созидательного человеческого труда.

«Никогда и ничего дорогого не будет у нас, если мы не научимся находить удовольствие в труде», — говорил революционер Марк в книге «Жизнь Матвея Кожемякина». Горький видел, что капитализм превращает труд в рабство. Но и в предреволюционные годы писатель всеял в своих героях мечту о том времени, когда труд, освобожденный от полой эксплуатации, будет удовольствием. Уже тогда он сумел передать радость творчества человека, преобразующего природу. Это ярко видно в его «Сказках об Италии», высоко оцененных Лениным.

Горький показывает, как самозабвенно, словно в каком-то ритмическом танце, трудятся рабочие, пробивая Симпсонский тоннель, как, наконец, с криками радости бросаются они на землю, падают, едят, покоренную. И маленький человек, герой этой сказки, вырастает на наших глазах в настоящего богатыря, творца, созидателя.

Эта картина, нарисованная Горьким, лишь незначительная крупная часть, на что способен будет человек, когда его труд станет подлинно свободным. О таком труде в те годы Горький и его герои могли лишь мечтать. Сегодня, когда советский народ, свершив немало чудесных

дел на необозримых просторах нашей Родины, выступил в новый сталинский поход покорителей природы, невольно вспоминаешь горьковскую мечту о человеке, украшающем землю, о человеке, творце всего прекрасного.

Горький — пламенный патриот своей Родины.

«Люблю свой народ, цены ему нету!.. У нас народ из чутуна литой, па долгие века народ...». «Сколько я видел людей, сколько горя постиг человеческого! И скажу тебе от сердца слово — хороши на земле русский народ... добротный, дароватый народ! Вот — ты погляди на него пристально и будешь любить!» — говорят герои горьковских произведений.

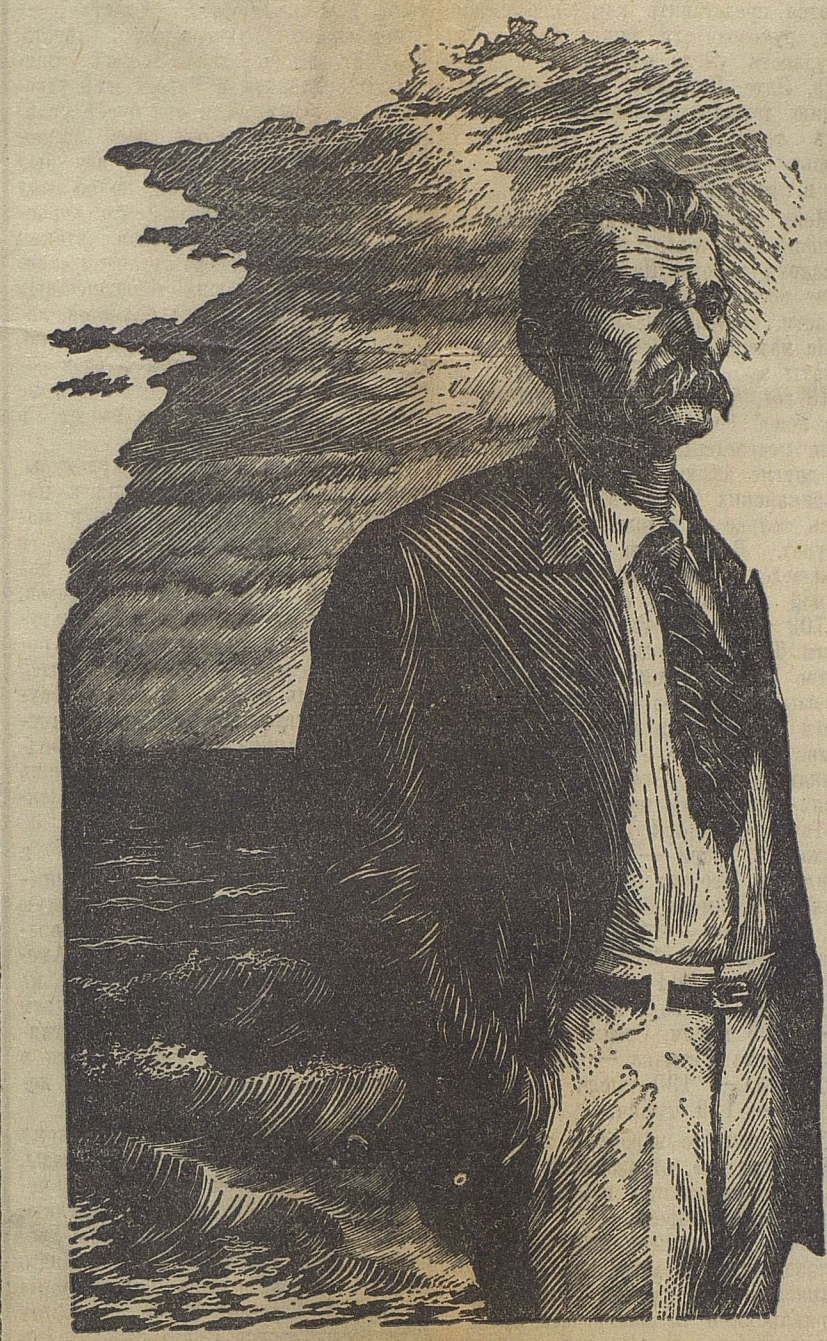
Горький был непримиримым врагом тех, кто клеветал на наш народ, кто не верил в его неисчерпаемые силы, в его изумительный талант. Он называл их «дичниками». Эти «дичники» говорили о себе: «Мы живем на земле чужой всему... Мы не умеем быть чужими для жизни людей... «Мы — дичники в нашей стране... Каким-то присяжные люди».

И снова читая эти строки, мы обращаемся к нашей современности. Ведь недавно разоблаченные советской общественностью безродные космополиты, клеветавшие на наш народ, на лучших представителей его культуры, то же случайные, присяжные люди, чуждые всему. Они жили в мире своих мелких и низких страстишек и интересов, они не верили в творческие силы народа, лицемерили, клеветали, склоняясь в три погибели перед растленной буржуазной культурой. Кому, как не современным космополитам, замечательно ответил в свое время Горький:

«В истории развития литературы европейской наша юная литература представляет собой феномен изумительный; и не превеликую правду, сказав, что ни одна из литератур Запады не возникла к жизни с такой силой и быстротой, в таком мощном, ослепительном блеске таланта. Никто в Европе не создавал столь крупных, всем миром признанных книг, никто не творил столь дивных красот при таких неопределимых условиях... Нигде на протяжении неполных ста лет не появлялось столь яркого созидания великих имен, как в России...»

Мы с гордостью называем Горького учителем советских писателей. Он стоял у колыбели литературного творчества многих из них. И в первых, порой и не совершенных строках их художественных произведений, он увидел подлинный талант и, как заботливый садовник, выращивал их до конца своей жизни. Вот образец настоящего советского критика, строгого и чуткого, которому дороги малейшие проявления художественного таланта!

Горький остро ненавидел эксплуатацию во всех ее формах. Он срывал все и всяческие маски с капиталистов. Посетив «собоветанный рай» — Америку, он еще свыше сорока лет тому назад в бичующих памфлетах вскрыл истинную сущность мнимого

препечения, о котором трезвоила на всех перекрестках мира американская печать. Горький доказал вопиющие контрасты богатства и нищеты, красоты и уродства «Города Желтого Дьявола» — города Золота.

«И кажется, что все — железо, камни, вода, дерево — полно протеста против жизни без солнца, без песни и счастья... Все стонет, воеет, скрежещет, повинуясь воле какой-то тайной силы, враждебной человеку. Но люди тщетно ослеплены и... молча плывут в яд, отравляющий их души». Во главе всей этой жизни стоят «короли республики», воротилы Уолл-стрит, мечтающие при помощи «желтого дьявола» — Золота вальсировать уду на все человечество.

Прошли десятки лет, и мы видим сегодня тех же «королей республики», простиравших свои жадные пупальцы во все страны, пытающихся под видом лицемерных «пактов» и

«блоков», сопровождаемых визгивающими воплями «атомиков», прибрать к своим рукам все новые и новые земли...

И как семнадцать лет назад, обращаются сегодня к горьковским, вопрошавшим советские писатели с трибуны Карнеги-Холла, где происходит конгресс в защиту мира: «С кем вы, мастера культуры?»

Весь свой гений, всю свою жизнь отдал великий писатель горячо любимой Родине. Потому так близки и понятны сегодня нам его слова, обращенные к писателям: «Мы выступаем в стране, освещенной гением Владимира Ильича Ленина, где неутомимо и чудотворно работает железная воля Иосифа Сталина.

Вот что надобно крепко помнить нам в нашей работе и во всех выступлениях наших перед миром».

Ю. ИВАЩЕНКО

Пьесы М. Горького на сцене рижских театров

«...Вчерашний спектакль заставил биться многие сердца и вызвал такие аплодисменты и такое ликование, что Максиму Горькому приходилось еще и еще выходить на сцену».

Так писала сорок пять лет тому назад газета «Дневная Лата» о первом представлении «Дачников» на сцене рижского театра.

Влияние творчества великого пролетарского писателя на широкие круги народа и интеллигенции Латвии началось в 90-х годах прошлого века.

Горький, как известно, дважды приезжал в Ригу — в январе и феврале 1905 года.

Презд писателя содействовал установлению более тесных связей между ним и прогрессивно настроенной латвийской интеллигенцией. Студенты, учащаяся молодежь, рабочие устранили писателя восторженные овации. Сохранились архивные документы, из которых видно, что Горький руководил постановкой «Дачников» на сцене русского театра. В 1904—1905 гг. состоялись премьеры его пьес — «Мещане», «Дачники», «На дне», впервые была поставлена пьеса-прививка романа «Фома Гордеев».

Во времена буржуазной Латвии творчество великого писателя подвергалось почти полному запрету.

Для нас, работников латвийского театра, — вспоминал совсем недавно Народный артист СССР Э. Смильгис, — Горький долгое время был недосягаем. Все, что было связано с великой русской культурой, изгонялось в буржуазной Латвии.

Только при советской власти трудящиеся нашей республики широко смогли ознакомиться с творческим наследием гениального художника.

После изгнания немецко-фашистских оккупантов ведущие театры Риги ставят его пьесы «Последние», «Мещане», «Враги», «Егор Булычев», «Васса Железнова» и другие.

«Хозяин тот, кто трудится» — эти замечательные слова Нила раскрывают основные идеи драматургии М. Горького.

Колла в заключительном акте спектакля «Последние» Люба обращалась к Колосимцеву со словами: «Смерть покорила служил делу жизни... Слабое, ненужное — гибнет...» — зрительный зал разразился рукоплесканиями. Незабываемую фигуру политемпера Ивана Колосимцева создал в этом спектакле Народный артист Ян Осис. Его Колосимцев был символом обреченной, но упорно сопротивляющейся русской буржуазии.

Ненависть к прошлому будила в зрителях этот яркий реалистический спектакль, жаждал стремлением очистить советскую семью от людей, сохранивших в своем сознании пережитки буржуазной морали.

Такие же чувства вызвали спектакли «Мещане» и «Враги».

Но к чувству гнева и возмущения примешивалась и громадная радость за человека — борца и носителя передовых идей своего времени, человека с большой буквы, какими были машинист Нил, революционер — подпольщик Синков и многие другие герои горьковских произведений.

Пьесы Горького внушали и внушают трудящимся веру в свои силы, помогают осознать пройденный путь и зовут к смелой активной борьбе за окончательное построение коммунизма. Они учили и учат распознавать врага, под какой бы маской он ни прятался.

Пичная откровенность старика Бессменова, видящего единственный смысл жизни в «накоплении благ земных», ненависть Скроботовых к рабочим, их верноподданническое пресмыкание перед «парем и отечеством» не могут не вызвать у всех честных людей ничего, кроме омерзения.

Страстно, горячо обличая в «Мещанах» примзавшихся к революционным интеллигентским хлюпиков, обывателей, спектакль Русского театра раскрывал горячий патриотизм, духовное благородство, идейность подлинных революционеров — Нила и его товарищей по классу.

Постановка «Егор Булычев» явилась важным этапом в творчестве Художественного театра.

Гигантское по масштабу полотно русской дореволюционной жизни, созданное М. Горьким уже в советские годы, потребовало от артистов и постановщиков глубокого проникновения в замысел писателя.

Театр сумел воспроизвести на сцене реалистические картины русского быта, передать гнетущую атмосферу жизни в старой дореволюционной России. На этом фоне трагедия купца Булычева, умного, прозорливого человека, который говорит о себе «на той улице живу» и до конца жизни остается среди людей, столь им презираемых, приобрела черты социальной драмы.

Талантливый артист А. Филиппов не умалил положительных черт Булычева — он показал его силу, ум, внутреннее превосходство над многими представителями своего класса. И тем символически предстала в спектакле его гибель. Если одряхлевший капитализм не имеет опоры даже в своих лучших людях, то какова же должна быть мера народной ярости!

Горький — воистину наш современник. Его пьесы заставляют сегодня острее воспринимать события, происходящие во всем мире. Они зовут на последний, решительный бой с капитализмом. Они утверждают красоту личности, подвигавшейся на защиту своих справедливых прав.

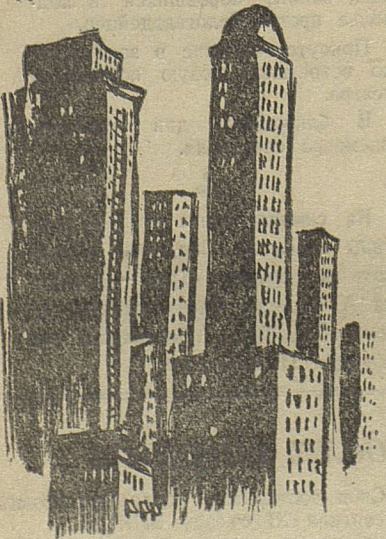
Образы и идеи горьковских пьес, воплощенные на сцене, вселяют в наш народ бодрую уверенность, зовут его вперед к коммунизму!

И. ЕГОРОВ

М. ГОРЬКИЙ

ГОРОД ЖЕЛТОГО ДЬЯВОЛА

Отрывок из памфлета

дет хлеб и дешевые наслаждения жизнью, кроме этого ничего не нужно человеку в городе Желтого Дьявола.

Люди идут к своим постелям, к женщинам своим, своим мужчинам, и ночью, в душных комнатах, потные и скользкие от пота, будут целоваться, чтобы для города родилась новая, свежая пища...

Идут. Не слышно смеха, нет веселого говора, и не блестят улыбки.

Брякают автомобили, щелкают бичи, густо поют электрические провода, гремят вагоны. Вероятно, где-нибудь играет музыка.

Мальчишки резко выкрикивают названия газет. Полный звук шарманки и чей-то вопль сливаются в трагическом объятии убийцы и благаемого муча. Безвольно идут маленькие люди, — точно камни катятся под гору...

Все больше и больше вспыхивают желтые огни — целые стены сверкают пламенными словами о пище, о виски, о мыле, новой бритве, шляпах, сигарах, о театрах. Прохот железа, гонимого всюду вдоль улиц жадными толчками Золота, не становится тише. Теперь, когда резке горят огни, этот непрерывный вопль еще значительнее, он приобретает новый смысл, более тяжелую силу.

Со стен домов, с вывесок, из окон ресторанов — летит ослепляющий

свет расплавленного Золота. Нахальный, крикливый, он торжествующе трещит всюду, режет глаза, искажает лица своим холодным блеском. Его хитрое сверканье полно острой жажды вытиснуть из карманов людей ничтожные крупицы их заработка, — он слагает свои подмигивания в огненные слова и этими словами молча зовет рабочих к дешевым удовольствиям, предлагает им удобные вещи...

Странно само огня в этом городе! Сначала это кажется красивым и возбуждающим, веселит. Огонь — свободная стихия, горючее дитя солнца. Когда он буйно расплетается — его цветы трепещут и живут прекрасной всех цветов земли. Он олицетворяет жизнь, он может уничтожить все ветхое, умершее и грязное.

Но когда в этом городе смотришь на огонь, заключенный в прозрачные темницы из стекла, понимаешь, что здесь — как все — огонь поработен. Он служит Золоту, для Золота и враждебно даек от людей...

Как все — железо, камень, дерево — огонь тоже в заговоре против человека, ослепляя его, он зовет:

— Или сюда!

И выманивает:

— Отдай твои деньги!

Люди идут на его зов, покупают ненужную им дрянь и смотрят на зрелища, отупляющие их.

Кажется, что где-то в центре города вертится со сладострастным выгибом и ужасающей быстротой большой ком Золота, он распыливает по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, шипут, хватают их. Но вот наступает вечер, ком Золота начинает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и вытягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золотую пыль, пойманную днем. Они отдают всегда больше того, сколько взяли, и на утро другого дня ком Золота увеличивается в объеме, его вращение становится быстрее, громче звучит торжествующий вой железа, его раба, грохот всех сил, поработанных им.

И жалнее, с большей властью, чем вчера, оно сосет кровь и мозг людей для того, чтобы к вечеру эта кровь, этот мозг обратился в холодный, желтый металл. Ком Золота — сердце города, в его вращении — вся жизнь, в росте его объема — весь смысл ее.

Для этого люди целыми днями роют землю, коуют железо, строят дома, дышат дымом фабрик, всасывают порами тела грязь отравленного, больного воздуха, для этого они продают свое красивое тело.

Это скверное волшебство усыпляет их души, оно делает людей гибкими орудиями в руке Желтого Дьявола, рудой, из которой он неустанно плавит Золото, свою плоть и кровь.

Из пустыни океана плет ночь и дышит на город прохладным, соленым дыханием. Тысячами стрел воззывают в нее холодные огни — она идет, сострадательно окутывая темными одеждами безобразные дома, мерзость узких улиц, прикрывая грязь

лохмотьев нищеты. Дикий вопль жадного безумия несет ее на встречу, разрывая ее тишину — она идет и медленно гасит нахальный блеск поработанного огня, закрывая своей мягкой рукой гнилые язвы города.

Но, вступая в сети улиц, она не в силах победить, разогнать своим свежим дыханием ядовитые испарения города. Она третса о камень стен, нагретый солнцем, ползет по ржавому железу крыш, по грязи мостовых, пропитывается ядовитой пылью, глохнет запахи и, опуская крылья, бесильно, неподвижно ложится на крышах домов, в канавы улиц. От нее осталась только тьма, — свежесть и прохлада исчезли, проглоченные камнем, железом, деревом, грязными легкими людей. В ней больше нет тишины, нет поэзии...

Город засыпает в духоте, он вонит, как огромное животное. Оно слишком много пожрало за день разной пищи, ему жарко, неловко и снится дурные, тяжелые сны.

Вздрогнув, угасает огонь, отслужив свою жалкую службу провокатора, лаская рекламой. Дома засыпают людей, одного за другим, в свои каменные внутренности.

Худой, высокий и сутулый человек стоит на углу улицы и скучно, бесцветными глазами смотрит направо и налево, медленно повертывая голову.

Буда итти? Все улицы одинаковы, и все дома смотрят друг на друга большими тусклыми окон одинаково безразлично и мертво...

Душная тоска давит горло теплой рукой, стесняя дыхание. Над крышами домов неподвижно стоит прозрачное облако дневных испарений проклятого, несчастного города. Сквозь эту плену в недосигаемой высоте небес тускло мерцают тихие звезды.

Человек снял шляпу, поднял голову, смотрит вверх. Высота домов в этом городе оттолкнула небо далеко от земли, чем где-либо. Звезды — мелкие, одинокие...

Вали тревожно звучит медная труба. Длинные ноги человека странно вздрагивают, и он идет в одну из улиц, шагая медленно, наклонив голову и размахивая руками. Уже поздно, улицы становятся все более пустынными. Одинокие маленькие люди исчезают, точно мухи, пропадая во тьме. На углах неподвижно стоят полинейки, в серых шляпах, с палками в руках. Они жуют табак, медленно дышат челюстями.

Человек идет мимо них, мимо телефонных столбов и множества черных дверей в стенах домов, — черных дверей, сонно разинувших квадратные пасти. Где-то далеко гремит и воеет вагон трамвая. Ночь заложилась в глубоких клетках улиц, ночь умерла.

Человек идет, размеренно перебивая ноги, и какает свой длинный, согнутый корпус. В его фигуре есть что-то думающее и хотя нерешительное, но — решимое...

Мне кажется, он — вор. Приятно видеть человека, который чувствует себя живым в черных сетях города.

Раскрытые окна дышат тошным запахом человеческого пота.

Непонятные, глухие звуки дремлют в душевной тоскливой тьме...

Уснул и сонно бредит мрачный город Желтого Дьявола.

СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ